

Андрей Юрьевич КЛЮЧНИКОВ¹

УДК 341.645

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА И НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

¹ судья Правобережного районного суда города Липецка,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право и процесс»,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
(Липецкий филиал)
andrew19871961@mail.ru

Аннотация

В фокусе внимания этой статьи находится принцип верховенства права, реализуемый через положения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Конвенция) Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ). Актуальность его изучения обусловлена новым формируемым судом подходом о том, что верховенство права присуще всем статьям Конвенции. Он находит применение в актуальной прецедентной практике Суда как один из основополагающих элементов независимости национальных судов.

Исходя из этого, в качестве цели исследования автор ставит выявление теоретических и практических аспектов подхода ЕСПЧ к проблеме независимости судебных органов и легального применения принципа верховенства права, изучение соответствующей практики Суда. Верховенство права и независимость судебной власти как базовые элементы конвенционной системы являются составной частью вырабатываемого ЕСПЧ института «европейского публичного правопорядка», поэтому необходимо проследить их взаимосвязь.

Материалом для исследования послужила прецедентная практика ЕСПЧ, которая позволяет выявить все этапы становления принципа верховенства права, его акту-

---

Цитирование: Ключников А. Ю. Верховенство права и независимость судебной власти в практике Европейского суда по правам человека / А. Ю. Ключников // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 196-219.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-196-219

альное «наполнение». Анализ судебной практики, наряду с доктринальными подходами, позволяет выявить пределы допустимого применения национальных законов, полномочий органов и должностных лиц различных ветвей государственной власти, органов судейского сообщества по анализируемой проблеме, новые грани статуса судей как одной из демократических ценностей общества. Для этого автор применяет специальные и общенаучные (традиционные) методы исследования, с акцентом на сравнительный и общеправовой методы, а при анализе судебной практики — также метод индукции.

В работе изучены нормативные источники и судебная практика ЕСПЧ, позволяющие раскрыть принцип верховенства права, его корреляцию с принципом независимости судебной власти, специфику его влияния на отечественную национальную судебную систему и функционирование государственного аппарата, определить роль принципа в конвенционном механизме защиты прав человека.

Ключевые слова

Верховенство права, независимость, судебная власть, ЕСПЧ, ценности, гарантии, публичный порядок, Совет Европы, правоприменение, прецедент.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-196-219

Введение

Верховенство права является правообразующим принципом в системе защиты прав человека в правовом поле Совета Европы. С момента вступления в силу в 1950 г. Конвенции он определяет развитие прецедентного права ЕСПЧ. В последние годы нормативное воздействие принципа верховенства права на текущую правоприменительную практику ЕСПЧ усиливается. Особенно это заметно по делам, где затрагиваются проблемы независимости и беспристрастности судов.

Прежде всего, отметим взаимообусловленность верховенства права другими основополагающими принципами — демократии и защиты прав человека. Их взаимодействие основано на положениях Преамбулы Конвенции, но дальнейшее развитие они получают за счет прецедентной практики ЕСПЧ. Например, по делу Демирташ 2020 г. [21, п. 382]. Суд отметил, что демократия представляет собой основополагающий элемент «европейского публичного порядка». Права, гарантированные статьей 3 Протокола № 1 Конвенции, имеют решающее значение для создания и поддержания основ эффективной и полноценной демократии, регулируемой верховенством права (дело Мюжеманганго 2020 г. [27, п. 67]). Применение индуктивного подхода к толкованию отдельных статей Конвенции позволило Суду сделать общий вывод об особом месте верховенства права в системе принципов, а именно что оно «присуще всем статьям Конвенции». В частности, новый сформированный Судом подход определяет верховенство права как основополагающий элемент независимости судебных органов. С учетом особого внимания ЕСПЧ к такой категории дел реализация принципа верховенства права в соответствии с Конвенцией по делам, затрагивающим

организацию судебной власти, будет оставаться одним из важнейших направлений развития практики Суда.

Методы исследования

Анализ решений ЕСПЧ, преимущественно посредством научной индукции, в контексте становления стандарта независимой судебной власти требует изучения предпосылок формирования соответствующей практики и перспективных направлений ее развития. В этом контексте сравнительный и правовой методы позволяют дать оценку нормативному статусу и фундаментальным основам принципа верховенства права, его роли в механизме разделения властей.

Основная часть

1. Концептуальное ядро верховенства права как фундаментального компонента европейского публичного правопорядка

Принцип верховенства права на первый взгляд кажется простым для понимания. Буквальное (грамматическое) толкование составляющих его терминов в целом не должно вызывать сомнений у практиков. Но если пытаться выделить нормативный объем и содержание принципа как универсального международно-правового института, сделать выводы становится сложнее.

В знаковом решении по делу «Голдер против Соединенного Королевства» 1975 г. ЕСПЧ сформировал только общий подход к пониманию верховенства права, а именно что он является «одной из особенностей общего духовного наследия государств-членов Совета Европы» [13, п. 34]. В его развитии выявлены принципиальные положения, что «именно из принципа верховенства права черпает вдохновение вся Конвенция» [40, п. 76]. Этот принцип «лежит в основе Конвенции наряду с принципом недопустимости произвольного вмешательства» [32, п. 60].

Материальные нормы Конвенции, закрепляющие права и свободы, Протоколы к ней не содержат ссылок на идеи верховенства права. Зато о них прямо говорится в тексте Преамбулы: «Будучи преисполнены решимости, правительства европейских стран — единомышленники, имеющие общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права, предпринимают первые шаги для коллективного осуществления некоторых прав, изложенных во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года (Всеобщая декларация)» [45].

Ссылка на один из базовых документов в сфере защиты прав человека здесь не случайна. С уверенностью заявляем, что составители Конвенции были вдохновлены тем, как в Декларации говорится о верховенстве права: «...принимая во внимание потребность охраны прав человека властью закона, в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать как к последнему средству, к восстанию против тирании и угнетения...» [46]. Отметим прямую корреляцию между содержащимся во Всеобщей декларации заявлением, что права человека должны защищаться верховенством права, и целью принципа — не допустить, чтобы человек восстал против тиранического или деспотического правления.

Отсюда следует вывод, что изложенная во Всеобщей декларации прав человека концепция верховенства права аналогична той, что заложена в конвенционную систему, следовательно, принцип имеет корни в обычном международном праве.

Для ЕСПЧ применение принципа верховенства права сродни руководству к действию. Это базовое условие для выполнения любой авторитетной структурой государства-члена Совета Европы своих обязательств по Конвенции. Правительство, которое пренебрегает верховенством права, не может оправданно ожидать постоянной лояльности и доверия со стороны общества. Как это прямо отражено во Всеобщей декларации, тирания вступает в противоречие с верховенством права; угнетение народов происходит там, где власть имущие отказались от верховенства права.

Ясно, что основополагающей моральной идеей, лежащей в основе верховенства права как инструмента конвенционной защиты, является уважение личной автономии и исключение произвольного использования государственной власти. Для того чтобы человек мог реально сохранять и развивать независимость мышления, мог управлять своей жизнью так, как он хочет, мог стремиться к счастью, успеху и внутреннему миру, т. е. ко всем фундаментальным элементам человеческого существования, концептуально должно иметь первостепенное значение, чтобы общество, в котором живет этот человек, в действительности, а не аморфно, управлялось законом.

Закон должен быть прозрачным, стабильным, предсказуемым и предусматривать независимые и беспристрастные механизмы разрешения споров. Он должен быть обращен не только к народу, но и, что еще более важно, применяться в отношении тех, кто в данный момент держит бразды правления в своих руках. Ни один человек — ни президент, император, король или премьер-министр, никто не стоит выше закона.

Как разъяснил ЕСПЧ, верховенство права в соответствии с Конвенцией требует, чтобы государственная власть регулировалась законом, а не прихотями и капризами людей [38, п. 68]. Законы должны быть ясными, а не чрезмерно расплывчатыми и открытыми для злоупотреблений [29, п. 57-58]. Закон не может применяться ретроспективно, «задним числом», особенно когда это уголовный закон, ухудшающий положение обвиняемого. Иной подход сводит на нет автономный выбор, сделанный членами общества по применению действующих правил [20, п. 78, 80]. Закон должен быть относительно стабильным и обеспечивать правовую определенность, а законы, направленные против конкретных лиц, групп лиц, прямо противоречат принципу верховенства права [37, п. 62].

Принцип верховенства права не позволяет наделять органы власти неограниченными полномочиями [25, п. 230]. Законы должны толковаться и применяться независимыми и беспристрастными судами [39, п. 88, п. 115]. После того, как судья выносит окончательное и обязательное к исполнению решение, оно не должно пересматриваться, что является компонентами верховенства права и принципа правовой определенности [34, п. 122]. Это относится и к решениям,

принятым самим ЕСПЧ. Государства-члены, приняв Конвенцию, по сознательному суверенному выбору обязались выполнять решения Суда в соответствии с п. 1 ст. 46 Конвенции, причем исполнение окончательных решений также является одним из основных проявлений верховенства права.

Таким образом, Суд подчеркнул «обязательную силу собственной прецедентной практики и важность добросовестного следования ей в соответствии с «правовыми выводами и духом решений» [24, п. 149]. Эти элементы верховенства права объясняют, почему этот основополагающий принцип является анафемой для авторитарных государств или «царств диктаторов». Это происходит потому, что такие государства на самом деле управляются не действующими общеприменимыми законами, а просто волей сильных мира сего. Грубая и безграничная власть, не ограниченная обязательными к соблюдению правилами, по определению произвольна и подвержена злоупотреблениям, что несовместимо с соразмерностью и разумностью.

Неконтролируемая воля тех, кто находится у власти, когда она оторвана от принципа верховенства права, на самом деле является не чем иным, как проявлением личных интересов во властных структурах, злоупотреблением властью. Верховенство права выступает основным идеалом, который выходит за рамки границ, традиций и культур, составляет основную черту любой подлинно демократической системы общечеловеческой жизни, регулируемой юридически обязательными нормами.

Верховенство права «[объединяет] культуры, которые в остальном могут отличаться друг от друга, обеспечивая тем самым важнейшую основу для взаимной, индивидуальной и социальной терпимости, позволяет осуществлять культурный и экономический обмен во всем мире» [2, с. 29-30]. Эти условия индивидуального и социального процветания универсальны: разные общества имеют разные кухни, различные социальные отношения и манеры, разные экономические структуры и религии. Но все они требуют стабильности и предсказуемости, должны быть понятны тем, кто им подчиняется, чтобы люди чувствовали себя в рамках закона как дома, имели уверенность в себе, строили планы на жизнь.

Из этого можно сделать вывод об универсальности принципа верховенства права.

Он подтверждается также учредительными документами Совета Европы. ЕСПЧ акцентирует внимание, что «ряд положений Устава организации непосредственно обусловлен верховенством права»: во-первых, в Преамбуле, где подписавшие его правительства подтверждают свою приверженность этому принципу, и, во-вторых, в ст. 3 Устава, согласно которой «каждый член Совета Европы должен принять принцип верховенства права» [35 п. 225]. В этом заключается основная идея обращения Суда к верховенству права как одному из «фундаментальных компонентов» европейского публичного правопорядка [19, п. 145].

В этом смысле Суд определил ядро системы ценностей, которая составляет основу Конвенции и которой Суд обязан, в соответствии со статьями 19 и 32

Конвенции, давать жизнь при толковании и применении содержащихся в ней прав и свобод; «... [даже] в условиях чрезвычайного положения базовый принцип верховенства права должен превалировать» [30, п. 153]. Поэтому, избрав путь стать неотъемлемой частью европейского публичного правопорядка, встроенного в конвенционную систему, государства-члены Совета Европы не могут на уровне собственного законодательства попытаться пересмотреть концепцию верховенства права или основные компоненты системы прав и ценностей, закрепленных в Конвенции.

2. Нормативный статус верховенства права как принципа, лежащего в основе Конвенции

В своей актуальной практике ЕСПЧ реализует подход к верховенству права как к принципу, «присущему всем статьям Конвенции» [15, п. 94]. Суд проводит идею, что эффективность всей конвенционной системы базируются на взаимобусловленных элементах уважения личности и верховенства права. «Толкование прав и свобод должно соответствовать общему духу Конвенции и учитывать, что она представляет собой согласованную систему их защиты» [3, с. 170-172].

Верховенство права заложено в структуру этой системы. Оно включает в себя набор правовых норм и конвенционных стандартов, предполагающих уважение должным образом рациональной автономии людей, что исключает произвольное использование государственной власти и ограничено законом.

Идея о верховенстве права как о принципе, заложенном во все нормы Конвенции, реализуется через методологическое его использование как «отправной точки» при рассмотрении любой жалобы в ЕСПЧ. Одновременно она создает систему отсчета при обращении Суда к конвенционным правам и свободам через применение соответствующей практики.

Исходной точкой отсчета следует считать дело «Голдер против Соединенного Королевства» 1975 г., где ЕСПЧ использовал верховенство права как инструмент толкования и динамического развития материально-правовых гарантий, заложенных в Конвенцию. В своей последующей практике при анализе возможных вариантов толкования ЕСПЧ неизменно стремится выявить наилучший подход к пониманию верховенства права в соответствии с рассматриваемым положением Конвенции. При необходимости Суд может руководствоваться сбалансированным подходом между соответствующими индивидуальными правами и публичным интересом. Даже в таких случаях явно прослеживается цель наилучшим образом реализовать идею верховенства права как фундаментального компонента европейского публичного правопорядка.

В большинстве случаев верховенство права действует как правовой принцип для поддержания гармоничных взаимозависимых отношений между отдельными элементами конвенционной системы в целом. Верховенство права может находить выражение через определенную норму, в которой проявляется конкретный функциональный элемент принципа. Наконец, верховенство права может быть выражено в его гибридном измерении, одновременно проявлять свою нормативную

силу как правовой принцип и как норма с фиксированным содержанием. Соответственно, верховенство права имеет трехкомпонентную структуру.

В качестве правового принципа в его органическом аспекте верховенство права обеспечивает независимость судебных органов в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции (требование оптимизации), не позволяет государствам-членам ограничивать права и свободы человека произвольно или таким образом, который отрицает саму суть рассматриваемого права. Верховенство права обеспечивает рациональное и разумное использование государственной власти, выступает ценностным инструментом, уравнивающим противоречия между индивидуальными правами и интересами общества.

Баланс обеспечивается в материальном и в процедурном аспекте.

Верховенство права налагает строгие материальные требования в отношении содержания, качества национального правоприменения, на которое опираются конвенционные права. С процедурной точки зрения основу верховенства права составляет требование, чтобы содержание закона в ходе правоприменения выявляли независимые и беспристрастные судьи, а не должностные лица органов исполнительной власти. Таким образом, верховенство права как правовой принцип представляет собой органическую основу ценностей, которые в совокупности составляют фундаментальный компонент конвенционного европейского публичного правопорядка.

Нормативная природа верховенства права проявляется в ходе текущего правоприменения, когда ЕСПЧ использует его как инструмент толкования конвенционных норм. Например, при анализе статьи 3 Протокола № 1 о свободных выборах Суд постановил, что верховенство права является одной из «основ эффективной и значимой демократии» [33, п. 87]. В соответствии со статьей 9 Конвенции о праве исповедовать свою религию, ЕСПЧ сослался на «принцип светского государства» как находящийся в «гармонии с верховенством права, уважением прав человека и демократии» [21]. Кроме того, он выявил прямую связь между верховенством права, демократией и свободой выражения мнений в соответствии со статьей 10: «в демократическом обществе, основанном на верховенстве права, где политические идеи бросают вызов существующему правопорядку, должна быть предоставлена возможность выражения мнения и их реализация мирными средствами» [42, п. 107]. «Ответные преследования и злоупотребление уголовным правом» являются действиями, которые представляют собой «нарушение верховенства права» [18]. Следовательно, ЕСПЧ формирует подход, согласно которому верховенство права как неотъемлемый элемент конвенционной системы не может пониматься как чисто формальная концепция, а выступает действенным средством толкования прав и свобод человека, отраженным в конкретных нормах Конвенции.

3. Верховенство права и независимость судебной власти

3.1. Концепция независимости судебной власти и принцип разделения властей. Некоторые статьи Конвенции включают в себя права, которые сами по себе

являются проявлением верховенства права как нормы с фиксированным содержанием. К таковым следует относить п. 1 ст. 5 Конвенции в части требования о юридическом основании лишения человека свободы, статью 7 Конвенции, реализующую принцип «нет преступления без указания на то в законе» [17, с. 98]¹.

В ряде случаев верховенство права действует в своем гибридном измерении, как правовой принцип и норма с фиксированным содержанием. Наиболее ярко выраженным в практике Суда примером проявления этого аспекта является структурный компонент верховенства права — независимость судебной власти. Концепция находит свое выражение в двух различных, связанных между собой, но самостоятельных элементах: независимости судей де-юре, с одной стороны, и их фактической независимости, с другой стороны.

Верно подмечено, что «формальная независимость должности судьи сама по себе не дает никаких гарантий, если она не связана с независимостью ума» [6, с. 57-58]. Судьи должны быть не только институционально, но и интеллектуально независимы и беспристрастны [11, п. 49-52]². В п. 220 решения Большой палаты по делу «Астрадссон против Исландии» 2020 г. обоснованно разъяснено, что само понятие «суд» предполагает, что он должен состоять из судей, отбираемых с учетом их заслуг, то есть людей, которые не только функционально компетентны рассмотреть дело, но и отвечают требованиям моральной добросовестности выполнять судебные функции, требуемые в государстве, управляемом верховенством права.

В прецедентном праве Суда давно прослеживается идея важности обеспечения независимости судебной власти. Принципиальной отправной точкой актуальной практики, формируемой Большой Палатой ЕСПЧ, стал тезис о важности действительной реализации на практике разделения исполнительной и судебной ветвей власти [22, п. 165].

---

¹ Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Кононов против Латвии». 2010. № 36376/04 [17]. Полномочия Суда по пересмотру должны быть более широкими, когда конвенционное право (статья 7) требует наличия правовых оснований для осуждения и вынесения приговора. Пункт 1 статьи 7 предполагает, чтобы Суд дал оценку правовым основаниям осуждения заявителя. Национальный суд должен убедиться, что итоговое судебное решение (по делу — осуждение заявителя за военные преступления в соответствии со статьей 68-3 ранее действовавшего Уголовного кодекса) совместимо со статьей 7 Конвенции.

² Решение Суда Европейского Союза по делу C-506-04 Вилсон (п. 49-52). 2006. EU : C : 2006 : 587 [11]. Аналогичный стандарт действует в правовом пространстве ЕС, где независимость судей и судебных органов рассматривается через внешний и внутренний аспекты. Внешний аспект подразумевает, что судьи должны быть защищены от вмешательства со стороны или давления, которые могут поставить под угрозу их независимое суждение при судебном разбирательстве. Внутренний аспект связан с беспристрастностью и направлен на обеспечение справедливого судебного разбирательства, создание равных условий для сторон и соблюдение их интересов в отношении предмета судопроизводства.

Таким образом, Суд выявил «красную нить, проходящую через институциональные требования пункта 1 статьи 6 Конвенции в том, что следует руководствоваться целью поддержания основополагающих принципов верховенства права и разделения властей» [9, с. 87-89]. В их основе лежит «необходимость поддержания доверия общества к судебной системе и обеспечения ее независимости по отношению к другим органам власти» [14, п. 233]. Исходя из этого, «принцип верховенства права будет пустым сосудом без независимых судов, встроенных в демократическую структуру, которая защищает права человека» [10, с. 263-264]. Без независимых судей система Конвенции функционировать не может. В практике ЕСПЧ реализуется идея необходимости обеспечения независимости сообщества судей европейского континента, которое является оплотом системы защиты прав человека.

Независимость судебной власти имеет как юридические, так и фактические компоненты. Что касается независимости де-юре, то Суд в ряде важных решений Большой Палаты постановил, что сам закон должен предусматривать четкие и предсказуемые гарантии судебной деятельности, статуса судей, в частности, в отношении назначения, гарантий пребывания в должности и увольнения, продвижения по службе, несменяемости, иммунитета судей и дисциплины [26]. В решениях Большой палаты ЕСПЧ по делам «Волков против Украины» [44], «Денисов против Украины» [23, п. 44-57], «Бака против Венгрии» выражена позиция о необходимости обеспечения особого подхода к решению вопросов увольнения судей с должности. Основной идеей является применение высокого стандарта доказывания, где бремя обоснования законности освобождения от должности лежит на государстве. Такой стандарт действует независимо от того, рассматривается ли вопрос с точки зрения ст. 6, 8 или 10 Конвенции. Фактический состав всегда подвергается строгому контролю со стороны Суда сквозь призму принципа несменяемости судей.

Формируя стандарт в течение последних нескольких десятилетий, Суд изучил влияние квалификационных советов судей (аналогичных им органов) на увольнение судей и дисциплинарное производство.

По таким делам судья имеет право на доступ к правосудию в соответствии со статьей 6 Конвенции.¹ Увольнение судьи может представлять собой вмешательство в его право на частную жизнь, в соответствии со статьей 8 Конвенции. Также в случае увольнения судьи по причинам, обусловленным его профессио-

---

¹ В деле Бака судья Линос-Александр Сисилианос высказал особое мнение о необходимости толкования п. 1 ст. 6 Конвенции как признания факта существования, наряду с правом участников судебного разбирательства на рассмотрение дел независимым и беспристрастным судом, субъективного права судей на защиту и уважение их индивидуальной независимости государством. ЕСПЧ данный подход окончательно не воспринял, хотя интеграция подобного стандарта могла бы способствовать эффективному обеспечению верховенства права. Судьи национальных судов получили бы защиту в институциональном плане, поскольку через конвенционные механизмы «подключены» к общеевропейской системе защиты прав человека Совета Европы.

нальными обязанностями, применима ст. 10 Конвенции, и государство обязано представить веские причины, свидетельствующие о настоятельной социальной необходимости увольнения, как того требуют принципы разделения властей и независимости судебной власти.

Таким образом, прецедентная практика Страсбургского суда в отношении увольнения судей, применения дисциплинарных мер реализует принцип верховенства права, охватывающий требование независимости судебных органов де-юре. Это формальная независимость в деятельности судей, которая сама по себе не гарантирует и не обеспечивает требуемую независимость судебной власти.

Как установил ЕСПЧ в деле «Агрокомплекс против Украины» [41, п. 136], объем обязательств государств обеспечить судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом, в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции, подразумевает обязательства исполнительной и законодательной ветвей государственной власти, независимо от уровня, уважать и соблюдать окончательные решения судов, даже если они с ними не согласны. Уважение государством авторитета судов — неперемное условие доверия общества к правосудию, а в более широком смысле — к верховенству права. Для этого недостаточно конституционных гарантий независимости и беспристрастности судебной власти. Они должны быть эффективно включены в повседневные административные установки и практику [1, с. 99-101].

Данное новое требование независимости судебных органов де-факто получило дальнейшее развитие в важных судебных решениях по делам «Кински против Чешской Республики» [43, п. 98] и «Ринау против Литвы» [28, п. 211]. В рамках данных дел Суд изучал публичные заявления политиков и предпринятые исполнительной властью меры для контроля за ходом судебных разбирательств, которые, как было установлено ЕСПЧ, оказали влияние на справедливость текущего судопроизводства в национальных судах. В деле Ринау Суд постановил, что национальные власти, включая политиков, должностных лиц в сфере опеки детства и прокуроры создали негативную атмосферу вокруг судебных действий заявителя. Такие действия представляют собой прямые попытки вмешательства в это разбирательство, которые неприемлемы в системе, основанной на верховенстве права.

Этими решениями Суд ясно дал понять, что Конвенция «не закрывает глаза» на тот факт, что формальные границы независимости судебных органов, прописанные в законе, потенциально являются не более чем фасадом, позволяющим вмешиваться в процесс отправления правосудия. Независимость де-юре, хотя и имеет решающее значение, но сама по себе не отвечает требованиям верховенства права, как это находит свое выражение в подлинной независимости судебной системы. Представленные ЕСПЧ доказательства давления и неправомерного влияния, оказываемого на судей при выполнении ими своих функций, сами по себе могут привести к выводу о том, что принцип независимости судебных органов де-факто не был обеспечен в конкретном деле, и могут вызвать опасения системного характера.

3.2. *Независимость судебной власти в делах, инициированных судьями, задержанными по уголовному обвинению в соответствии со статьей 5 Конвенции.* Еще более сильное нормативное воздействие принципа верховенства права проявилось в актуальной практике Суда, касающейся независимости судей, лишенных свободы по подозрению в совершении преступлений. Особенно ярко этот аспект проявился в практике ЕСПЧ по делам судей, задержанных в Турции в июле 2016 г. после попытки государственного переворота.

Из обстоятельств дела Алтан 2019 г. [31, п. 111] следует, что заявитель, судья Конституционного Суда Турции, был осужден за участие в вооруженной организации. В обоснование довода о незаконности осуждения заявитель ссылался на неправомерность заключения под стражу, поскольку на момент задержания в его деле отсутствовали доказательства обоснованности обвинения. В отношении заявителя не могла быть применена мера пресечения в виде заключения под стражу.

ЕСПЧ указал на необходимость установления национальными судами реальных оснований к задержанию лиц по подозрению в совершении преступлений.

В рамках дел «турецких судей» по событиям 2016 г. ЕСПЧ выявил только одно реальное основание, по которому задерживались заявитель и другие судьи. Это был специальный закон, принятый в ситуации «очевидного преступления» (как его оценили национальные власти). Из фактических обстоятельств следовало, что на момент ареста доказательства причастности лица к совершенному преступлению представлены не были. Соответственно, вообще не исследовался вопрос обоснованности подозрения, заявитель не был предварительно лишен иммунитета судьи. Возможность привлечения лица к уголовной ответственности была мотивирована исключительно принятием чрезвычайного закона.

Ссылка турецких властей на предоставление возможности дачи показаний заявителю (в формуляре протокола задержания имелись соответствующие графы) признана несостоятельной, поскольку позиция выражена не была.

Отсутствие первичной информации о наличии обоснованного подозрения в совершении преступления породило недостаточную индивидуальную оценку материалов дела и ситуации заявителя.

Установленный национальным судом факт — совершение заявителем преступления в условиях очевидности является, по оценке ЕСПЧ, не чем иным, как одним из оснований задержания: очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление.

Сам по себе факт участия заявителя в организации, без анализа фактического состояния, реальных его действий, без доказательств обоснованности подозрения его в совершении продолжаемого преступления не является достаточным для обоснования ситуации очевидности преступления.

Наднациональный суд не допускает здесь исключений и требует от судов оценивать реальное наличие соответствующих предпосылок, обосновывать их в судебных актах по мере пресечения, при заявлении доводов давать оценку в итоговых судебных решениях по существу уголовного дела.

В подобных ситуациях ставится под угрозу принцип правовой определенности. Судейский иммунитет, затронутый анализируемой практикой, не может

подвергаться сомнению даже в условиях чрезвычайных обстоятельств [8, с. 113-115]. Иммунитет не означает безнаказанность, так как в его основе лежат конституционные гарантии законности. В данном случае заключение заявителя под стражу не осуществлялось в порядке, установленном законом, и не было обусловлено чрезвычайностью обстоятельств.

Такая форма защиты предоставлена исключительно судьям, чтобы позволить им исполнять свои обязанности в условиях полной независимости, без незаконных ограничений со стороны других органов власти и вышестоящих судей, выполняющих надзорные функции.

ЕСПЧ постановил, что на практике должно уделяться особое внимание защите членов судейского сообщества при рассмотрении вопроса о том, каким образом выполнялось распоряжение о задержании судьи с точки зрения Конвенции.

Решения по делам турецких судей являются квинтэссенцией заявлений Суда о верховенстве права, в которых различные компоненты принципа, взятые в совокупности, образуют основу для достаточно эффективного применения пункта 1 статьи 5 Конвенции.

В этих решениях ЕСПЧ, устанавливая нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции, подчеркнул особую роль судебной власти в обществе. Судьи, будучи гарантом справедливости, а как общественный институт — фундаментальной ценностью в правовом государстве, должны пользоваться доверием общества во благо государственности, если хотя бы успешно выполняют свои обязанности [5, с. 135].

В тех случаях, когда национальное право предоставляет судебную защиту судьям в целях обеспечения независимого осуществления ими своих функций, крайне важно, чтобы такие механизмы защиты реально соблюдались. В демократическом обществе принцип разделения властей приобретает всё возрастающее значение, и судебная власть занимает видное место среди органов государственной власти.

Принцип независимости судебной власти, являющийся основой верховенства права, методологически слит с другим основополагающим компонентом верховенства права — принципом законности, действующем в качестве мощного инструмента толкования для воплощения в жизнь требований пункта 1 статьи 5 Конвенции в этом контексте. Это позволяет ЕСПЧ строго следить за применением внутригосударственной правовой базы, на которую опираются при задержании сотрудников судебных органов. Эти решения являются наглядным примером того, как Суд осознает риск использования государственной власти таким образом, который чрезмерно влияет на независимость судебной власти. Они еще раз демонстрируют, что в своем толковании и применении Конвенция не терпит крайностей.

3.3. Право на независимый и беспристрастный суд, учрежденный в соответствии с законом, по смыслу п. 1 статьи 6 Конвенции. Право на независимый и беспристрастный суд, учрежденный в соответствии с законом, по смыслу п. 1 ст. 6 Конвенции [45], является одним из краеугольных камней принципа верховенства права в соответствии с Конвенцией. В п. 144-150 дела «Карвальо против

Португалии» 2018 г. [26] ЕСПЧ провел промежуточную черту формированию собственной практики, отметив, что Суд располагает хорошо разработанным сводом прецедентного права, связанного с концепциями независимости и беспристрастности судей.

Однако на вопрос о том, применимо ли это положение к процедуре назначения судей другими ветвями власти государств-членов Совета Европы, впервые был дан ответ в знаковом решении Большой палаты по делу «Гудмундур Андри Астрадссон против Исландии» от 1 декабря 2020 г. [14]. В этом решении Суд единогласно постановил, что государство-ответчик нарушило пункт 1 статьи 6 Конвенции ввиду серьезных нарушений национального права при назначении судей в недавно созданный Апелляционный суд Исландии.

По обстоятельствам дела, жалоба заявителя на приговор была оставлена без удовлетворения Апелляционным судом, новым судебным органом, действовавшим с 2018 г. Одним из доводов жалобы заявителя в Верховный суд Исландии была ссылка на нарушение процедуры назначения судьи как основание для отмены приговора.

Национальное право Исландии закрепляет специальные правила оценки компетенции кандидатов в судьи Оценочным комитетом из представителей Совета Судей, Ассоциации адвокатов и Альтинга Исландии, законодательного органа, чем ограничиваются полномочия исполнительной власти. Министр юстиции Исландии исключил из списка 4 наиболее квалифицированных кандидатов, заменив на других, с меньшей квалификацией, хотя мог только предложить иных кандидатов для обсуждения.

Верховный Суд Исландии установил нарушение процедуры назначения судьи на должность, однако указал на отсутствие связи принятого итогового решения со справедливостью разбирательства в целом.

По жалобе заявителя в ЕСПЧ Суд должен был определить существенность нарушений национального законодательства, законность участия судьи в деле заявителя; указать сферу применения права на доступ к правосудию, способы выявления нарушений этого права и обеспечения баланса между данным правом и принципами несменяемости судей, правовой определенности.

Краеугольным камнем нового подхода стала идея учреждения суда (назначения судьи) строго в соответствии с законом как отражающая принцип верховенства права. Суд, созданный в противовес намерениям законодателя, неизбежно лишен легитимности, необходимой в демократическом обществе для разрешения правовых споров. Цель такой регламентации состоит в обеспечении независимости суда от усмотрения исполнительной власти, и регулирование его деятельности законом, исходящим от парламента. Большая Палата ЕСПЧ для целей надлежащего функционирования и легитимности судебной власти в демократическом государстве «подключила» процесс назначения судей к концепции «учреждение суда по закону».

ЕСПЧ применил традиционное целевое (телеологическое) толкование с опорой на принцип верховенства права, за счет чего определил, что процесс

назначения судей в целом и участие в процедуре иных ветвей власти подпадает под право, предусмотренное п. 1 ст. 6 Конвенции. Следовательно, право на суд, учрежденный согласно закону, является самостоятельным правом, обусловленным гарантиями независимости и беспристрастности. Отметим особый доктринальный подход ЕСПЧ к способу толкования: ему не пришлось высказываться относительно достаточной беспристрастности судьи Апелляционного суда, назначение которого рассматривалось как нарушение Конвенции, и было ли судебное разбирательство по делу заявителя в целом справедливым. В этом проявляется двойственная природа верховенства права: оно действует и как правовой принцип, поддерживающий фундаментальную структурную предпосылку для реализации права на справедливое судебное разбирательство, и как норма с фиксированным содержанием, императивно требующая назначения судей в соответствии с национальным правом [4, с. 120-121].

Поэтому если судья, назначенный в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, рассматривает дело единолично или в составе коллегии, отдельного анализа фактической справедливости судебного разбирательства не требуется. Нарушение права на суд здесь по умолчанию создает неопровержимую презумпцию несправедливости судебного разбирательства, в котором принимал участие незаконно назначенный судья, что и было установлено в деле Астрадссона.

Для национальных властей ЕСПЧ ввел трехступенчатый пороговый тест для определения нарушения права на суд, учрежденный в соответствии с законом. Для этого необходимо устанавливать: были ли явными нарушения внутреннего законодательства; если да, какие нарушения затрагивают основополагающие положения процедуры назначения судей; были ли доводы жалобы о нарушениях в назначении судьи эффективно рассмотрены и исправлены национальными судами. Большая Палата сформулировала высокий порог требований с целью примирить напряженность между принципами субсидиарности и эффективной защиты конвенционных прав.

ЕСПЧ требует действенного участия национальных судов в определении нарушения национального права при назначении судей, эффективного устранения последствий нарушений. ЕСПЧ опирается на оценку национальных судов, но ввиду автономности рассматриваемого права вправе самостоятельно решить, достигнут ли высокий уровень допущенного нарушения [7, с. 62-63]. Иной подход лишил бы смысла конвенционное право на справедливое разбирательство.

Большая палата ввела дополнительное требование установления «значительной серьезности» нарушения национального права, достигающего уровня, потенциально приводящего к нарушению Конвенции. Это необходимо для анализа соблюдения баланса между правом на суд, учрежденным в соответствии с законом, и потенциальными нарушениями принципов несменяемости судей и правовой определенности.

В подтверждение сделана ссылка на решение Суда ЕС по делу «Комиссия против Польши» 2019 г. в части нормативного наполнения принципа несменяемости судей: «хотя принцип несменяемости судей не является абсолютным, из

него не может быть никаких исключений, если они не оправданы законными и убедительными основаниями, при условии соблюдения принципа соразмерности» [12, с. 76].

Из решения Суда по делу Астрадссона можно сделать ряд выводов.

Во-первых, когда речь идет о праве на суд, учрежденный в соответствии с законом, на него распространяется принцип верховенства права.

Во-вторых, грубое нарушение принципа верховенства права констатируется всегда, когда создание суда или назначение судьи основаны на актах, явно нарушающих основополагающие принципы и правила назначения судей по национальной процедуре, особенно в сочетании с отсутствием строгого судебного контроля национальных властей.

В-третьих, когда в государстве утверждена законодательная основа для назначения судей, верховенство права как норма-принцип, включенная в статью 6 Конвенции, явно предписывает обязанность по соблюдению этих правил. Если отбор судей производит исполнительная и/или законодательная власть, национальные суды должны быть компетентны определять соблюдение национального права в этой части, и только затем оценку вправе дать ЕСПЧ в соответствии с автономными принципами, заложенными в ст. 6 Конвенции. При определении существенности нарушения национального права при назначении судьи ЕСПЧ в целом полагается на выводы национальных судов, если они обоснованы и не произвольны. ЕСПЧ не лишен возможности выявить характер нарушений самостоятельно, поскольку «строгий европейский надзор» с его стороны не исключен в силу принципа субсидиарности, закрепленного в Преамбуле Конвенции.

В-четвертых, государства в принципе свободны в выборе законодательной базы для назначения судей на основе своих правовых традиций и конституционных структур. Однако такие правила и применяемые процедуры всегда должны соответствовать требованиям принципа верховенства права как находящие свое выражение в требованиях независимости и беспристрастности судебных органов, регулируемых ст. 6 Конвенции.

Заключение

Верховенство права является правообразующим принципом европейской системы защиты прав человека, определяющим развитие прецедентного права ЕСПЧ. Он заложен в основу документов в области защиты прав человека, выступает действенным средством толкования прав и свобод человека, отраженным в конкретных нормах Конвенции. Верховенство права лежит в основе государственности, поскольку при его игнорировании национальные власти не могут рассчитывать на доверие собственного общества. Он определяет границы действия закона, регулирует иные сферы жизни обществ — культуру, экономическую и социальную сферу. В основе верховенства права лежат идеи уважения личности и исключение произвольного использования власти. Решения органов государственной власти должны регулироваться законом, не могут быть произвольными, зависеть от усмотрения высших должностных лиц. Для этого законы

должны быть ясными и четкими. Нормативное воздействие принципа усиливается на всем правовом пространстве Совета Европы, в частности, по делам, касающимся независимости и беспристрастности судебных органов. Верховенство права органично вписано в международную систему права, однозначно отвергающую произвольное использование государственной власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абросимова Е. Б. Судебная власть: современное конституционное отражение / Е. Б. Абросимова // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 5 (78). С. 96-117.
2. Бондарь Н. С. Конституционный суд в системе юрисдикционных органов (о «богоугодных грехах» конституционного правосудия) / Н. С. Бондарь // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1 (62). С. 26-32.
3. Варламова Н. В. Верховенство права — базовый принцип европейской системы защиты прав человека / Н. В. Варламова // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 3 (40). С. 151-178.
4. Гаджиев Х. И. Судебное правотворчество в международном правосудии / Х. И. Гаджиев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3 (70). С. 119-129.
5. Дедов Д. И. Дело «Молла Сали против Греции»: комментарий к постановлению Большой Палаты Европейского Суда по правам человека / Д. И. Дедов, Х. И. Гаджиев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Том 17. № 1. С. 126-136.
6. Зыбина О. С. О принципе независимости судей / О. С. Зыбина, М. М. Колесникова // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2015. № 3 (28). С. 54-58.
7. Ключников А. Ю. Роль общих принципов международного права в определении свободы правоприменения международных судов / А. Ю. Ключников // Российский судья. 2019. № 6. С. 61-64.
8. Ключников А. Ю. Право на истину в международном правосудии / А. Ю. Ключников // Lex russica (Русский закон). 2020. № 12 (169). С. 106-117.
9. Марочкин С. Ю. Верховенство права на внутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия / С. Ю. Марочкин // Государство и право. 2013. № 10. С. 85-94.
10. Руденко В. Н. Перспективы демократии в современном конституционализме / В. Н. Руденко // Вестник Российской академии наук. 2020. Том 90. № 3. С. 259-266.
11. Court of Justice of European Union Decision of 19 September 2006 in case no. C-506-04 “Graham J. Wilson v. Ordre des avocats du barreau de Luxembourg” // Official website of Court of Justice of European Union. URL: <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=64426&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=1213861> (дата обращения: 06.12.2021).
12. Court of Justice of European Union Judgement of 24 June 2019 in case no. C-619/18 “Commission v Poland (Independence of the Supreme Court)” // Official website of Court

- of Justice of European Union. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=215341&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=129393> (дата обращения: 06.12.2021).
13. ECHR Decision of 12 February 1975 in case no. 4451/70 “Golder v. United Kingdom” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57496> (дата обращения: 06.12.2021).
  14. ECHR Grand Chamber Judgement of 1 December 2020 in case no. 26374/18 “Guðmundur Andri Ástráðsson v. Iceland” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-206582> (дата обращения: 06.12.2021).
  15. ECHR Grand Chamber Judgement of 11 December 2018 in case no. 36480/07 “Lekić v. Slovenia” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-188268> (дата обращения: 06.12.2021).
  16. ECHR Grand Chamber Judgement of 13 February 2003 in case no. 41340/98 “Refah Partisi (The Welfare Party) and others v. Turkey” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60936> (дата обращения: 06.12.2021).
  17. ECHR Grand Chamber Judgement of 17 May 2010 in case no. 36376/04 “Kononov v. Latvia” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-98669> (дата обращения: 06.12.2021).
  18. ECHR Grand Chamber Judgement of 20 January 2020 in case no. 201/17 “Magyar Kétfarkú Kutya Párt v. Hungary” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-200657> (дата обращения: 06.12.2021).
  19. ECHR Grand Chamber Judgement of 21 June 2016 in case no. 5809/08 “Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-164515> (дата обращения: 06.12.2021).
  20. ECHR Grand Chamber Judgement of 21 October 2013 in case no. 42750/09 “Del Río Prada v. Spain” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-127697> (дата обращения: 06.12.2021).
  21. ECHR Grand Chamber Judgement of 22 December 2020 in case no. 14305/17 “Selahattin Demirtaş v. Turkey” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-207173> (дата обращения: 06.12.2021).
  22. ECHR Grand Chamber Judgement of 23 June 2016 in case no. 20261/12 “Baka v. Hungary” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-163113> (дата обращения: 06.12.2021).
  23. ECHR Grand Chamber Judgement of 25 September 2018 in case no. 76639/11 “Denisov v. Ukraine” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-186216> (дата обращения: 06.12.2021).
  24. ECHR Grand Chamber Judgement of 29 May 2019 in case no. 15172/13 “Proceedings under Article 46 § 4 of the Convention in the case of Ilgar Mammadov v. Azerbaijan” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-193543> (дата обращения: 06.12.2021).
  25. ECHR Grand Chamber Judgement of 4 December 2015 in case no. 47143/06 “Roman Zakharov v. Russia” // Official website of HUDOC database of European Court

- of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159324> (дата обращения: 06.12.2021).
26. ECHR Grand Chamber Judgement of 6 November 2018 in case no. 55391/13 “Ramos Nunes de Carvalho e Sá v. Portugal” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-187507> (дата обращения: 06.12.2021).
27. ECHR Judgement of 10 July 2020 in case no. 310/15 “Mugemangango v. Belgium” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-203885> (дата обращения: 06.12.2021).
28. ECHR Judgement of 14 January 2020 in case no. 10926/09 “Rinau v. Lithuania” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-200336> (дата обращения: 06.12.2021).
29. ECHR Judgement of 14 November 2017 in case no. 41226/09 “Işıkırık v. Turkey” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-178506> (дата обращения: 06.12.2021).
30. ECHR Judgement of 15 December 2020 in case no. 33399/18 “Pişkin v. Turkey” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-206901> (дата обращения: 06.12.2021).
31. ECHR Judgement of 16 April 2019 in case no. 12778/17 “Alparslan Altan v. Turkey” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-192804> (дата обращения: 06.12.2021).
32. ECHR Judgement of 19 December 2017 in case no. 78477/11 “Ramda v. France” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-179793> (дата обращения: 06.12.2021).
33. ECHR Judgement of 20 December 2016 in case no. 14737/08 “Uspaskich v. Lithuania” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-169844> (дата обращения: 06.12.2021).
34. ECHR Judgement of 20 March 2018 in case no. 5310/71 “Ireland v. the United Kingdom” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-181585> (дата обращения: 06.12.2021).
35. ECHR Judgement of 20 September 2018 in case no. 68762/14 and no. 71200/14 “Aliyev v. Azerbaijan” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-186126> (дата обращения: 06.12.2021).
36. ECHR Judgement of 24 April 2018 in case no. 55385/14 “Baydar v. the Netherlands” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-182454> (дата обращения: 06.12.2021).
37. ECHR Judgement of 25 July 2017 in case no. 69997/10 and no. 74793/11 “Panorama Ltd and Miličić v. Bosnia and Herzegovina” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-175670> (дата обращения: 06.12.2021).
38. ECHR Judgement of 27 February 2018 in case no. 39496/11 “Sinkova v. Ukraine” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-181210> (дата обращения: 06.12.2021).
39. ECHR Judgement of 28 February 2019 in case no. 4755/16 “Beghal v. the United Kingdom” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-191276> (дата обращения: 06.12.2021).

40. ECHR Judgement of 31 January 2017 in case no. 38898/04 “Rozhkov v. Russia” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights.
URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170590> (дата обращения: 06.12.2021).
41. ECHR Judgement of 6 October 2011 in case no. 23465/03 “Agrokompleks v. Ukraine” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights.
URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-106636> (дата обращения: 06.12.2021).
42. ECHR Judgement of 7 March 2017 in case no. 29994/02 “Döner and Others v. Turkey” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights.
URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-171773> (дата обращения: 06.12.2021).
43. ECHR Judgement of 9 February 2012 in case no. 42856/06 “Kinský v. the Czech Republic” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights.
URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109044> (дата обращения: 06.12.2021).
44. ECHR Judgement of 9 January 2013 in case no. 21722/11 “Oleksandr Volkov v. Ukraine” // Official website of HUDOC database of European Court of Human Rights.
URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-115871> (дата обращения: 06.12.2021).
45. The European Convention on Human Rights // Strasbourg: European Court of Human Rights, Council of Europe, 1950. 63 pp.
46. The Universal Declaration of Human Rights // New York: United Nations, 1949. 13 pp.

Andrew Yu. KLYUCHNIKOV¹

UDC 341.645

**THE RULE OF LAW AND THE INDEPENDENCE
OF THE JUDICIARY IN THE PRACTICE
OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS**

¹ Judge of Pravoberezhny District Court of Lipetsk,
Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Lipetsk affiliated branch
andrew19871961@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the principle of the rule of law, implemented through the provisions of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950. (Convention) by the European Court of Human Rights (ECHR). The relevance of studying this principle is due to the new approach formed by the Court that the rule of law is “inherent in all articles of the Convention.” We can see its application in the current case-law of the Court as one of the fundamental elements of the independence of national courts.

Thus, the author aims to identify the theoretical and practical aspects of the ECHR’s approach to the problem of judicial independence and legal application of the rule of law principle, to study the relevant Court practice. The rule of law and the independence of the judiciary as the basic elements of the convention system are an integral part of the institution of the “European public order” developed by the ECHR, therefore it is necessary to trace their interconnection.

The case-law of the ECHR served as the material for the study, which allowed us to identify all stages of the formation of the rule of law principle and its actual “content”. Analyzing judicial practice, along with using doctrinal approaches, we managed to identify the limits of permissible application of national laws, the powers of bodies and officials of various

---

Citation: Klyuchnikov A. Yu. 2021. “The rule of law and the independence of the judiciary in the practice of the European Court of Human Rights”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 196-219.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-196-219

branches of government, bodies of the judicial community to the given problem, new aspects of the status of judges seen as one of the democratic values of society. To achieve this, the author used methods specific to studies of law and general scientific (traditional) research methods, with an emphasis on comparative and general legal methods, and the method of induction during the analysis of judicial practice.

The paper examines the normative sources of law and judicial practice of the ECHR, allowing to reveal the principle of the rule of law, its correlation with the principle of judicial independence, the specifics of its impact on the domestic national judicial system and the functioning of the state apparatus, to determine the role of the principle in the convention mechanism of the protection of human rights.

Keywords

Rule of law, independence, judiciary, ECHR, values, guarantees, public order, Council of Europe, law enforcement, precedent.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-196-219

REFERENCES

1. Abrosimova E. B. 2010. "Judicial power: Contemporary constitutional representation". Comparative constitutional review, no. 5 (78), pp. 96-117. [In Russian]
2. Bondar N. S. 2017. "The constitutional court in the system of jurisdictional bodies (of godly sins of constitutional justice)". Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, no. 1 (62), pp. 26-32. [In Russian]
3. Varlamova N. V. 2002. "Rule of law — basic principle of European human rights system". Constitutional law: East-European review, no. 3 (40), pp. 151-178. [In Russian]
4. Hajiyev Kh. I. 2018. "Judicial legislation in international justice". Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, no. 3 (70), pp. 119-129. [In Russian]
5. Dedov D. I., Hajiyev Kh. I. 2021. "The Case 'Molla Sali v. Greece': The commentary on the judgment of the ECHR Grand Chamber". Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, vol. 17, no. 1, pp. 126-136. [In Russian]
6. Zybina O. S., Kolesnikova M. M. 2015. "On principle of independence of judges". Saint Petersburg Law Academy Herald, no. 3 (28), pp. 54-58. [In Russian]
7. Klyuchnikov A. Yu. 2019. "The role of general international law principles in the determination of law enforcement freedom of international courts". Russian Judge, no. 6, pp. 61-64. [In Russian]
8. Klyuchnikov A. Yu. 2020. "Right to truth in international justice". Lex Russica, no. 12 (169), pp. 106-117. [In Russian]
9. Marochkin S. Yu. 2013. "The rule of law on the domestic and international levels: the dynamics of development and interaction". State and Law, no. 10, pp. 85-94. [In Russian]
10. Rudenko V. N. 2020. "Prospects of democracy in modern constitutionalism". The Russian Academy of Sciences Herald, vol. 90, no. 3, pp. 259-266. [In Russian]

11. Court of Justice of European Union. 2006. Court of Justice of European Union Decision of 19 September 2006 in case no. C-506-04 “Graham J. Wilson v. Ordre des avocats du barreau de Luxembourg”. Accessed on 6 December 2021. <https://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=64426&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=1213861>
12. Court of Justice of European Union. 2019. Court of Justice of European Union Judgement of 24 June 2019 in case no. C-619/18 “Commission v Poland (Independence of the Supreme Court)”. Accessed on 6 December 2021. <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=215341&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=129393>
13. European Court of Human Rights. 1975. ECHR Decision of 12 February 1975 in case no. 4451/70 “Golder v. United Kingdom”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-57496>
14. European Court of Human Rights. 2020. ECHR Grand Chamber Judgement of 1 December 2020 in case no. 26374/18 “Guðmundur Andri Ástráðsson v. Iceland”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-206582>
15. European Court of Human Rights. 2018. ECHR Grand Chamber Judgement of 11 December 2018 in case no. 36480/07 “Lekić v. Slovenia”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-188268>
16. European Court of Human Rights. 2003. ECHR Grand Chamber Judgement of 13 February 2003 in case no. 41340/98 “Refah Partisi (The Welfare Party) and others v. Turkey”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60936>
17. European Court of Human Rights. 2010. ECHR Grand Chamber Judgement of 17 May 2010 in case no. 36376/04 “Kononov v. Latvia”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-98669>
18. European Court of Human Rights. 2020. ECHR Grand Chamber Judgement of 20 January 2020 in case no. 201/17 “Magyar Kétfarkú Kutya Párt v. Hungary”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-200657>
19. European Court of Human Rights. 2016. ECHR Grand Chamber Judgement of 21 June 2016 in case no. 5809/08 “Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-164515>
20. European Court of Human Rights. 2013. ECHR Grand Chamber Judgement of 21 October 2013 in case no. 42750/09 “Del Río Prada v. Spain”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-127697>
21. European Court of Human Rights. 2020. ECHR Grand Chamber Judgement of 22 December 2020 in case no. 14305/17 “Selahattin Demirtaş v. Turkey”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-207173>
22. European Court of Human Rights. 2016. ECHR Grand Chamber Judgement of 23 June 2016 in case no. 20261/12 “Baka v. Hungary”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-163113>
23. European Court of Human Rights. 2018. ECHR Grand Chamber Judgement of 25 September 2018 in case no. 76639/11 “Denisov v. Ukraine”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-186216>
24. European Court of Human Rights. 2019. ECHR Grand Chamber Judgement of 29 May 2019 in case no. 15172/13 “Proceedings under Article 46 § 4 of the Convention

- in the case of Ilgar Mammadov v. Azerbaijan”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-193543>
25. European Court of Human Rights. 2015. ECHR Grand Chamber Judgement of 4 December 2015 in case no. 47143/06 “Roman Zakharov v. Russia”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159324>
  26. European Court of Human Rights. 2018. ECHR Grand Chamber Judgement of 6 November 2018 in case no. 55391/13 “Ramos Nunes de Carvalho e Sá v. Portugal”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-187507>
  27. European Court of Human Rights. 2020. ECHR Judgement of 10 July 2020 in case no. 310/15 “Mugemangango v. Belgium”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-203885>
  28. European Court of Human Rights. 2020. ECHR Judgement of 14 January 2020 in case no. 10926/09 “Rinau v. Lithuania”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-200336>
  29. European Court of Human Rights. 2017. ECHR Judgement of 14 November 2017 in case no. 41226/09 “Işıkırık v. Turkey”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-178506>
  30. European Court of Human Rights. 2020. ECHR Judgement of 15 December 2020 in case no. 33399/18 “Pişkin v. Turkey”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-206901>
  31. European Court of Human Rights. 2019. ECHR Judgement of 16 April 2019 in case no. 12778/17 “Alparslan Altan v. Turkey”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-192804>
  32. European Court of Human Rights. 2017. ECHR Judgement of 19 December 2017 in case no. 78477/11 “Ramda v. France”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-179793>
  33. European Court of Human Rights. 2016. ECHR Judgement of 20 December 2016 in case no. 14737/08 “Uspaskich v. Lithuania”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-169844>
  34. European Court of Human Rights. 2018. ECHR Judgement of 20 March 2018 in case no. 5310/71 “Ireland v. the United Kingdom”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-181585>
  35. European Court of Human Rights. 2018. ECHR Judgement of 20 September 2018 in case no. 68762/14 and no. 71200/14 “Aliyev v. Azerbaijan”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-186126>
  36. European Court of Human Rights. 2018. ECHR Judgement of 24 April 2018 in case no. 55385/14 “Baydar v. the Netherlands”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-182454>
  37. European Court of Human Rights. 2017. ECHR Judgement of 25 July 2017 in case no. 69997/10 and no. 74793/11 “Panorama Ltd and Miličić v. Bosnia and Herzegovina”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-175670>
  38. European Court of Human Rights. 2018. ECHR Judgement of 27 February 2018 in case no. 39496/11 “Sinkova v. Ukraine”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-181210>
  39. European Court of Human Rights. 2019. ECHR Judgement of 28 February 2019 in case no. 4755/16 “Beghal v. the United Kingdom”. Accessed on 6 December 2021. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-191276>

40. European Court of Human Rights. 2017. ECHR Judgement of 31 January 2017 in case no. 38898/04 “Rozhkov v. Russia”. Accessed on 6 December 2021.
<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170590>
41. European Court of Human Rights. 2011. ECHR Judgement of 6 October 2011 in case no. 23465/03 “Agrokompleks v. Ukraine”. Accessed on 6 December 2021.
<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-106636>
42. European Court of Human Rights. 2017. ECHR Judgement of 7 March 2017 in case no. 29994/02 “Döner and Others v. Turkey”. Accessed on 6 December 2021.
<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-171773>
43. European Court of Human Rights. 2012. ECHR Judgement of 9 February 2012 in case no. 42856/06 “Kinský v. the Czech Republic”. Accessed on 6 December 2021.
<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109044>
44. European Court of Human Rights. 2013. ECHR Judgement of 9 January 2013 in case no. 21722/11 “Oleksandr Volkov v. Ukraine”. Accessed on 6 December 2021.
<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-115871>
45. European Court of Human Rights, Council of Europe. 1950. The European Convention on Human Rights. Strasbourg: European Court of Human Rights, Council of Europe. 63 pp.
46. United Nations. 1949. The Universal Declaration of Human Rights. New York: United Nations. 13 pp.